

ОТЗЫВ

официального оппонента Кодина Евгения Владимировича

о диссертации Осипова Никиты Александровича

«Политика украинизации 1920-1930-х гг. на территории СССР и некоторых территориях РСФСР»,

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 5.6.1. «Отечественная история»

Тема диссертационного исследования Н.А. Осипова обладает несомненной научной актуальностью, как в теоретическом аспекте, так и в ее современном общественно-политическом звучании. Изучение политики украинизации 1920-1930-х годов, как, впрочем, и параллельно проводимой в то время белорусизации, при том не только в самих славянских республиках, но и в российских регионах с компактным проживанием и украинцев, и белорусов, позволяет ретроспективно под другим углом зрения видеть пути формирования современной российской национальной политики.

Особую ценность в работе Н.А. Осипова представляет вполне состоявшаяся попытка сопоставительного анализа политики украинизации в самой СССР и в отдельных регионах РСФСР. Было бы, наверное, не совсем правильным говорить о том, что в работе все получилось, и все удалось. Такого рода идеальных исторических исследований, как нам представляется, не бывает. Главное в работе Никиты Александровича, в нашем понимании, это участие в концептуализации формирующегося нового методологического подхода – сопоставительного анализа украинизации непосредственно в СССР и в различных российских регионах в рамках политики коренизации.

Именно в этом, то есть в комплексном подходе к изучению практик украинизации на материалах, как непосредственно СССР, так и отдельных российских губерний, с нашей точки зрения, в значительной мере и заключается научная новизна представленной работы.

Значительным вкладом автора в историческую науку стало и введение в научный оборот обширного корпуса ранее не публиковавшихся архивных документов, что существенно расширяет источниковую базу для дальнейших исследований в данной области.

Структура диссертации логична и соответствует поставленным исследовательским задачам. Правда, следует обратить внимание на имеющуюся очевидную объемную несоразмерность отдельных параграфов (например, §2.1. – объем почти 40 страниц, §2.2. – 12 страниц, §2.3. – 7 страниц).

Во Введении автор формулирует объект, предмет и цель исследования. В объект исторического анализа он включает, цитируем: «органы государственного управления и общественно-политические институты, вовлеченные в реализацию национальной политики в 1920-1930-е гг.» (стр. 6). При этом понятия «органы государственного управления» и «общественно-политические институты» структурно, т.е., что туда входит, не раскрываются и не поясняются. Отсюда, как минимум, возникает вопрос о школах: являются ли они объектом настоящего исследования? Школы не относятся к органам госуправления и не являются частью общественно-политических институтов, но при этом именно они (учебные заведения) были самым центром политики украинизации и в самой Украине, и в регионах РСФСР. Причем в диссертации все это хорошо показано, но объектом исследования они почему-то не названы, впрочем, как и некоторые другие институции сферы культуры.

Хронологические рамки исследования обоснованы ключевыми вехами советской национальной политики, начиная с X съезда РКП (б) и вплоть до постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей».

Выбор территориальных границ исследования (УССР и в первую очередь российско-украинское приграничье) аргументирован схожестью их социально-экономического и политического развития в рассматриваемый

период, и имевшими место трансграничными модернизационными процессами 1920-х-1930-х годов.

Теория модернизации была положена в основу диссертационного исследования, исходя из понимания автором о сложившейся к началу 1920-х годов национальной модели модернизации с очевидными признаками индустриализации, урбанизации, социальной мобильности, национальной идентификации, роста грамотности и образования и др. Вполне обоснованно в основу работы были положены традиционные для исторического исследования методы историко-сравнительного, проблемно-хронологического, исторического анализа и историко-системного метода.

Историографический анализ выполнен на высоком научном уровне. Н.А. Осипов не только систематизировал существующие исследования по тематике, но и предложил их оригинальную структуризацию, что свидетельствует о хорошей историографической подготовке автора. При этом явно из-за стремления показать актуальность, место и роль своего исследования в общем историографическом поле автор почему-то оценивает как «недостаток российской историографии отсутствие понимания взаимосвязи между национально-культурным возрождением XIX в. и политикой украинизации межвоенного периода» (стр. 30). А «отсутствие изучения причин и определения сущности противодействия украинизации части партийных работников, деятелей культуры, рабочих и крестьян на территории Юго-Восточной Украины» попадает в авторской трактовке в категорию «одного из упущений российской историографии» (стр. 30).

Источниковая база исследования характеризуется репрезентативностью и включает разнообразные виды документов: нормативно-правовые акты, делопроизводственные материалы, статистические данные, значительный пласт периодической печати, мемуары, дневники, публицистика. Это свидетельствует о добротной доказательной базе исследования, позволяет говорить о возможности перекрестной верификации сделанных выводов и заключений.

В первой главе «*Украинизация государственно-партийного аппарата УССР в 1920-1930-е гг.*» показаны имевшие место процессы коренизации в кадровой политике республики, украинизация партии и партийного аппарата, перевод делопроизводства в госучреждениях и организациях на украинский язык.

Вычленив три основные причины начала проведения политики украинизации в УССР (стремление Сталина через украинизацию в республике заручиться в борьбе за власть поддержкой второй по численности партийной организацией СССР; уже до того имевшие место процессы в рамках национально-культурного возрождения в Украине; так называемый «польский фактор», игравший значительную роль в рамках внешней политики) (стр. 77), автор, отмечая достаточно высокий уровень национальной идентичности в УССР к началу 1920-х годов, и указывая на имевшие место общие организационные трудности украинизации, обращает внимание на неоднородность и противоречивость общественного мнения и настроения различных социальных групп по поводу целесообразности украинизации Донбасса (стр. 73).

Донбасс, как и весь Юго-Восток Украины, занимал особое положение, справедливо отмечает Н.А. Осипов. И далее поясняет, что это было связано не просто с его промышленным потенциалом, а с подчиненностью многих предприятий непосредственно центральным московским структурам (стр. 90). И уже само это обстоятельство неизбежно накладывало особенности проведения украинизации в этом обширном регионе, где существенно преобладающим было русское население, и в партийных организациях Донбасса в канун украинизации (1922 г.) было 69% русских и 16,6% украинцев. В результате даже в парторганизациях Донбасса, в оценке автора, украинизация в регионе проходила формально, лишь следуя указаниям центральных властей (стр. 90).

Несмотря на многочисленные принимаемые меры, украинскому правительству, заключает Н.А. Осипов, не удалось достигнуть ожидаемых результатов украинизации низового аппарата; к 1932 г. она была далеко не полной и не одинаковой в различных округах и районах (стр. 109).

Глава вторая «*Украинизация социально-общественной жизни в 1920-1930-е гг.*» в трех ее параграфах раскрывает сложные механизмы коренизации науки и образования, периодической печати, театра и кинематографа в УССР.

И по этим всем направлениям в особенное положение также попадал юго-восточный регион Украины, в первую очередь Донбасс. Приводимые в диссертации данные подчеркивают это со всей очевидностью: на начало политики украинизации в Донецкой губернии насчитывалось наименьшее среди всех других губерний количество украинских и украинско-русских школ, они составляли лишь 0,4% и 0,7%, соответственно; русские же школы и школы других национальностей составляли 98,9% общей численности (стр. 160-161). И здесь Н.А. Осипов, хотя и в несколько категоричной форме, но, по сути, верно говорит о том, что постановление «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка» от 1 августа 1923 г. «не могло быть принято для промышленной части Юго-Востока УССР» (стр. 117).

Автор отмечает, как обычную практику в ходе коренизации, что школы и классы часто украинизировались без учета национальности и разговорного языка детей и родителей; при абсолютном меньшинстве украинцев в классе, украинский язык устанавливался как преимущественный для использования. Помимо этого, советским органам, не в национальных сельсоветах, воспрещалось отвечать на языке национальных меньшинств, если обращение поступило не на украинском языке (стр. 108).

Но, несмотря на имевшие место недовольство и сопротивление в промышленных районах, украинизация в них проводилась по общей схеме с угрозами применения репрессивных мер (стр. 115). В итоге к 1932 г.,

приводит пример исследователь, в Мариуполе, одном из самых многонациональных городов Донбасса, не осталось ни одного русскоязычного класса. На 1 декабря того же года из 2239 школ Донбасса 1760, т.е. 78,6% были украинскими, а 207, т.е. 9,3% – украинско-русскими (стр. 163). Очевидно, что без насильственных мер и жесткого администрирования получить такие результаты вряд ли было возможно. Как, впрочем, и в деле перевода на украинский язык региональных органов печати (стр. 180).

В третьей главе *«Политика украинизации на территории РСФСР в 1920-1930-е гг.»* Н.А. Осипов показывает аналогичные процессы по украинизации в отдельных российских регионах; вначале и в первую очередь в приграничье (на Кубани, в Воронежской и Курской губерниях), затем в Поволжье, на Урале, в Сибири и вплоть до Дальнего Востока.

Полагаем, что было бы правильным начать анализ данного раздела диссертационного исследования с утверждения автора о том, что «проведение украинизации в РСФСР, по сути, было уступкой украинской элите в УССР» (стр. 195). При этом достаточной аргументации или доказательной базы под такое заключение в работе не приводится. И здесь же следует тезис, также требующий своего пояснения: «... экономическое развитие Украины создало два уровня национальной жизни. Промышленные регионы населяли в основном русские, сельские – украинцы. В связи с этим, украинизация проводилась в первую очередь в УССР, и как уступка ей же, в РСФСР» (стр. 195). О какой «уступке» здесь идет речь? И в чем ее суть?

Далее Н.А. Осипов вполне справедливо отмечает, что «преимущественно с 1923 г. по 1926 г. украинизация на территории РСФСР фактически не проводилась, особенно в области государственно-партийного аппарата. Делопроизводство также не переводилось на украинский язык. Местные власти не были заинтересованы в этих процессах, а поэтому игнорировали украинизацию, также сказывалась нехватка кадров, незнание украинского языка и др.» (стр. 219). И лишь с 1926 г. после

целенаправленного вмешательства московского руководства (особенно апрельского 1925 г. совещания по проблемным вопросам украинизации и белорусизации) украинизация на территории РСФСР, пишет автор, переходит в активную фазу (стр. 219). С чем трудно не согласиться.

Но и эта «активная фаза» российской части политики украинизации в значительной степени лишь оставалась «на бумаге». Н.А. Осипов связывает это с незаинтересованностью местных властей в проведении украинизации по ряду причин: отсутствие учителей украинского языка, методических пособий и учебников, нехватка финансов и др. (стр. 215). И такая оценка вполне справедлива. Как, впрочем, и обоснование автором причин отрицательного отношения местного населения российских регионов к украинизации школы: с одной стороны, это было связано с непониманием литературного украинского языка; с другой, с тем, что вследствие слабой подготовки учительства украинизированные школы в отношении преподавания находились в более плохом положении, чем русские школы, из которых был обеспечен переход учащихся в учебные заведения повышенного типа (стр. 229).

Нецелесообразность обучения в украинской школе виделась населению еще и в том, отмечает Н.А. Осипов, что образование, полученное на украинском языке, не имело практического значения, поскольку все местное делопроизводство и общение велось на русском языке (стр. 234). Да и большая часть национальных школ лишь назывались украинскими, по сути таковыми не являясь (стр. 237).

Далее на примере Кубани автор показывает интенсивность процесса деукраинизации, когда после постановления краевых властей от 26 декабря 1932 г. в течение нескольких дней все делопроизводство советских организаций в станицах и районах было переведено на русский язык, все украинизированные газеты, листовки, брошюры, многотиражки, выходившие на украинском языке, стали издаваться на русском. И уже с 1933 г.

деятельность всех национальных школ на территории Кубани была прекращена (стр. 233).

Заключение работы структурно соответствует поставленным задачам, содержит выводы, подтвержденные документальным материалом.

Отдельной положительной оценки заслуживает значительная работа автора по составлению таблиц Приложения, к каждой из которых в тексте имеется адресная отсылка.

Вместе с тем имеются основания и необходимость сделать несколько общего плана замечаний по тексту диссертационного исследования.

1. Практически во всех разделах/параграфах работы присутствует тезис о том, что политику украинизации чуть ли не инициировал непосредственно И.В. Сталин, которому в ходе борьбы за власть требовалась поддержка второй по численности парторганизации в СССР. Сам по себе тезис, заимствованный автором у Е.Ю. Борисенок, бесспорен, но чрезмерная частота обращения к нему вряд ли оправдана.

2. В положениях, выносимых на защиту, Н.А. Осипов предлагает считать, что в результате политики украинизации произошла культурная революция на территории УССР, «произошло формирование новой советской украинской нации с собственной национальной элитой» (стр. 42). Есть ли у нас основания для такого заключения о «новой советской украинской нации»? И если имеются, то какими новыми чертами она должна отличаться от прежней, то есть той, что была накануне политики украинизации?

3. При общей в целом высокой оценке самого текста работы (хороший, вполне выдержанный академический стиль, ровный литературный язык, хотя и при явной недовычитанности текста) встречаются совершенно нежелательные для научной работы слова и выражения, например:

- темпы украинизации кадров, делопроизводства и учебных заведений *натывались* на сопротивление профессоров царской эпохи (стр. 42);

- исследователи *вроде* К.С. Дроздова и Е.Ю. Борисёнок поддерживают это мнение (стр. 19);

- *имеет смысл показать* на примере истории нашего государства (это во Введении в разделе актуальности) (стр. 5);

- украинское население *обладало преимущественно аграрным характером* (стр. 62).

Должно быть, по невнимательности однажды и Донбасс оказался причисленным к Юго-Западным районам УССР (стр.174).

При этом характер указанных замечаний никак не влияет на общую высокую оценку диссертации Никиты Александровича Осипова.

По цели, задачам, методам научного исследования, содержанию и полученным результатам диссертационная работа соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), в следующих областях: п. 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной жизни; п. 10 Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; п. 12 История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов.

Основные выводы диссертации изложены в автореферате, а также 12 публикациях соискателя, включая 6 статей, опубликованных в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ. Они адекватно отражают содержание диссертации. Рукопись диссертации и автореферат соответствуют требованиям к их оформлению.

Диссертационная работа Осипова Никиты Александровича «Политика украинизации 1920-1930-х гг. на территории УССР и некоторых территориях РСФСР» является самостоятельным и оригинальным исследованием, имеющим существенное значение для исторической науки и отвечающим требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в соответствии с

пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. №842 в действующей редакции, а ее автор Осипов Никита Александрович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки).

Официальный оппонент

Доктор исторических наук,
профессор

Е.В. Кодин

25 ноября 2025 г.

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования, доктор исторических наук.

Профессор кафедры истории России федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Смоленский государственный университет».

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет».

Адрес: 214000, Смоленская обл., г. Смоленск, улица Пржевальского, дом 4.

Телефон: +7(4812) 700-201, 38-31-57.

Электронная почта: rectorat@smolgu.ru.

Подпись профессора Е.В. Кодина заверяю

Ректор университета

М.Н. Артеменков

